

ВАХРИН СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ ВЛАДИМИР АТЛАСОВ

Статья посвящена землепроходцу и путешественнику Владимиру Владимировичу Атласову, совершившему в XVII веке два похода на полуостров Камчатка. Автор пытается разобраться в поступках и действиях «камчатского Ермака», предположить, чем они могли быть продиктованы. Завершает публикацию небольшая генеалогическая зарисовка потомков В. В. Атласова.

Ключевые слова: Владимир Атласов, Камчатка, казачество, Якутия, Ерофей Хабаров, Дальний Восток.

Keywords: Vladimir Atlasov, Kamchatka, Cossacks, Yakutia, Yerofey Khabarov, Far East.

Фигура Владимира Владимировича Атласова в исторической литературе весьма противоречивая и, нужно это признать, довольно слабо изученная, хотя о нём написаны сотни, если не тысячи, книг и существуют миллионы различных упоминаний в художественной литературе, а тем более в Интернете.

Тем не менее личность «камчатского Ермака» исследована весьма поверхностно и довольно трафаретно — или только всё в плюсах, или только в минусах. А это был живой человек, со сложным характером, оказавшийся в чрезвычайно сложных жизненных обстоятельствах...

Но по порядку.

Владимир Владимирович не был уроженцем Якутии. Он прибыл сюда вместе с двумя братьями уже в зрелом возрасте и 9 июля 1682 года был верстан в казаки в «женатый оклад», то есть прибыл в Якутию вместе с женой Степанидой.

Якутским казаком в течение 13 лет (с 1651 г.) был его отец Владимир Тимофеевич Отлас. Своё прозвище Владимир Тимофеевич (в Сибири людей обычно именовали по месту, откуда человек сюда прибыл, а прибыл Отлас с Усолья) получил вовсе даже не по атласной рубахе, которая в Сибири была не в редкость, а совершенно по другой причине.

Давайте заглянем в книгу известного историка Галины Александровны Леонтьевой «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки»: «Откуда у отца землепроходца могло появиться прозвище “Отлас”? <...> На Русском Севере, в Поморье, Пермской земле, Предуралье “отласами” называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море» [5, с. 31–32].

Прозвище, которое давали в Сибири, как правило, становилось родовым именем — фамилией. Так, Ерофей Павлович Святитский, для которого прибиток, барыш, удача, взятка были смыслом его жизни, получил новую фамилию — Хабаров. А томский казак со вздорным (поганым) характером, потомки которого впоследствии писались Мухоплевыми, на самом деле имел прозвище Мухосран, но, выбившись в большие люди, его потомки, с ведома общества, внесли поправки в своё родовое прозвище, но не могли исправить это прозвище в корне.

Владимир Отлас был непростым человеком, что и нашло отражение в его прозвище — скользкий, «непромокаемый», хватистый. Приведу только один пример. Поездка в Москву в составе ясачного конвоя или с важными государственными бумагами считалась наградой за открытие новых земель и пополнение государевой казны. Владимир Отлас не прославился ни тем ни другим, а в Москве был самым частым из

всех якутских казаков гостем (по данным Г. А. Леонтьевой, в 1658–1660, 1661–1663, 1668–1669, 1671–1673, 1677–1678 гг.).

Ответ может быть только один — он был посредником в торговых операциях с пушниной, которая доставлялась в столицу вместе с ясаком, представляя интересы верхушки той якутской власти, которая правила в воеводстве, невзирая на все двух-, трёх- и четырёхгодичные смены власти воевод. Кстати, мало кто из якутских воевод того времени добирался до Руси живым...

Готовил ли Отлас себе замену? Конечно, ведь в Усолье (до сих пор не уточнено, был ли Владимир Тимофеев из Усолья Камского или Вычегодского) подрастали трое его сыновей, которых он, по всей видимости, лично привёз в Якутск в свою последнюю московскую поездку. Но что-то не сложилось.

Хотя обратим внимание на очень важный факт. В первую свою командировку в 1682 году (в год смерти отца) Владимир Владимирович Атласов, сын Отласа, отправился вторым официальным лицом и впоследствии именно ему (самому молодому и неопытному!) было поручено сопровождать ясак в Якутск.

На этом мы остановимся. И попросим известного историка Б. П. Полевого уточнить причину такого «карьерного взлёта» молодого Атласова: «...знание грамоты Владимиру Атласову очень пригодилось. Он стал подьячим, ибо имел весьма неплохой почерк. Уже в январе 1683 г. Атласов вернулся в Якутск с алданским ясаком и новыми известиями об обнаружении на верхнем Алдане слюды. В феврале 1683 г. Владимир был лично допрошен якутским воеводой И. В. Приклонским. Одновременно молодой Атласов доложил воеводе о некоторых нарушениях порядка сбора ясака на реке Учур. В частности, по поручению учурского приказного казачьего пятидесятника Ивана Жиркова, он “известил” воеводу о том, что учурские эвенки жалуются на различные злоупотребления сборщика ясака Ивана Усакина (Ивана Фомича Усанина. — С. В.)» [7, с. 74].

Иван Фомич вышел сухим из воды. Но, думаю, ни он, ни старожилы Якутска не простили молодому Атласову этого доноса. Хотя, подчеркнём это, Атласов действовал по приказу своего командира, пятидесятника Ивана Жиркова, и защищал государственные интересы.

«В августе 1684 г. Владимир Атласов снова в качестве “подьячего” был послан на “двухгоднюю службу” с казачьим пятидесятником Андреем Амосовым на далекую реку Уду» [7, с. 78]. Б. П. Полевому удалось найти документ, который раскрывает, каким образом Атласову удалось избежать той дальней и долгой командировки, он отыскал «...челобитную Василия Протасова, в которой он просил “вместо его, Волотьки, служить ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Андреем Омосовым, а ему, Волотьке итти с отписками в Якуцкий острог”» [7, с. 78].

В 1686 году у Владимира Владимировича в Якутске родился сын Иван. И далее исследователи снова отмечают некую привилегированную роль Атласова в Якутске. Судите сами: «В августе 1687 г. Владимира Атласова снова отправили на Уду с отрядом казаков, во главе которых стоял Иван Крыженовский (Крыжановский. — С. В.). Как бывалый человек Атласов смог быстро довести новый отряд до места. Однако и на этот раз он пробыл на Уде только одну зиму и вернулся в Якутск к своей семье. Именно в этот период он добился выделения ему в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил вместе с братьями Иваном и Григорием на одном отцовском подворье» [7, с. 79]. И добился никакого-то там двора на отшибе, а получил земли, принадлежавшие некогда известному якутскому казаку десятнику Сергею Брусенкину (Брусенину), в недавнем приказчику на Колыме. А участвует в этом землеотводе казак Лука Старицын (Мороско), который вместе с Иваном Васильевичем Голыгиным спустя десять лет проторили Атласову дорогу в Камчатку.

И далее: «Новый воевода Якутска Петр Зиновьев наделил Владимира Атласова в 1687 г. особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и также с неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения. Воеводе посыпались жалобы на то, что Владимир Атласов слишком лихо разбивал посуду у самогонщиков. Сын боярский В. А. Петриловский даже завел против него дело, однако оно было вскоре прекращено» [7, с. 79]. То есть снова молодой и задорный Атласов использован (подчёркиваем — в государственных целях!) в конфликте со старожилками Якутска. Ведь Петриловский — внучатый племянник самого Ерофея Павловича Хабарова.

Но это ещё не всё. Помимо борьбы с самогонщиками, Владимир Владимирович столь же азартно принялся выбивать долги из «неплательщиков ясака», то есть из тех, кто опять же позволил себе неуплату государственных налоговых сборов. И вот что из этого вышло: «Иначе обстояло дело со сбором недоимок. Тут Атласов и его помощники явно перестарались. Они силой забирали меха у якутов. Порою прибегали к рукоприкладству. С рек Амги и Татты к воеводе П. П. Зиновьеву стали поступать жалобы на поведение Атласова. Воеводе пришлось завести против него специальное дело. В «описи Якутской архивы 1703 г.» оно названо так: «Столп, в нем дело казака Мишки Гребеньщика да Волотьки Отласова, что они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили». В 1930-х годах в Ленинграде были найдены и опубликованы листы этого дела. В них содержались показания многочисленных свидетелей из якутов. Многие из них жаловались на рукоприкладство Владимира Атласова, но признавали, что дей-

ствовал он так не ради личного обогащения, а ради покрытия недоимок в сборе ясака. По решению якутского воеводы Атласов был публично порот «на козле»» [7, с. 79–80].

И не просто порот. Совершенно не случайно следующее его назначение на службу было в Анадырский острог, куда уже был до него сослан Лука Старицын (Мороско), который жил и действовал «бесстрашно».

В 1692 году Владимир Атласов участвует в походе к восточным чукчам. Что там случилось на самом деле, мы не знаем. Но вот конечный результат: «Во время этого похода к восточным чукчам резко обострились отношения между Владимиром Атласовым и Семеном Чернышевским. Атласов открыто выступал против многих действий анадырского приказного. Оскорбленный С. Чернышевский доносил в Якутск, что Атласов перед народом его «срамил всякою неподобною бранью, матерной и ротовой, и вором и плутом называл». <...> Чернышевский хотел учинить над Атласовым расправу, но не смог: Атласов «в руки не дался» и даже обвинил приказного в государственной измене. Когда Атласова силой привели в Анадырский острог на допрос, он просил простить его за горячий нрав: «виноват де он, Волотька... дела де он... на сына боярского на Семена Чернышевского не знает, а сказывал де он то великих государей дело напрасно, боясь батогов»» [7, с. 80–81]. То есть снова, в какой уже раз, на первый план выступает государственное значение, государственный смысл как основная мотивация поступков и действий, в том числе наказуемых батогом и ссылкой, Владимира Атласова.

А вот теперь давайте вспомним, что о посещении бассейна реки Камчатки в Якутске было известно уже в 1660-х годах. Затем последовали многочисленные походы Ивана Васильевича Голыгина, Луки Семёновича Старицына (Мороски), но Камчатка не стала в результате этих походов частью Российской империи. Она даже не стала официальным присудом Анадырского острога, сбор ясака в котором с чукчей и коряков был в тот период самым мизерным. А в это же самое время, когда по всему Якутскому воеводству шёл набор пушнины, промысел соболей и лисиц на полуострове промышленными людьми шёл уже полным ходом — только в составе экспедиции Луки Старицына (который не дошёл «одного дня пути» до реки Камчатки) участвовало около шестидесяти промышленников.

По всей видимости, существовал корпоративный сговор — сговор верхушки якутской казачьей власти с промышленниками и торговцами пушшиной о контрабанде камчатской пушнины. Другого объяснения я просто не нахожу. Скрытие крупнейшего на тот период промыслового района Якутского воеводства, которое не справлялось с «плановыми заданиями», было государственным преступлением. А то, что о Камчатке в Якутске знали все, красноречиво говорит так

называемое камчатское дело 1690 года, согласно которому (пусть это даже и было воеводской фальсификацией) бунтовщики, якобы разгромив Якутск и уничтожив его начальство, собирались бежать на Камчатку.

И только Владимир Атласов взял (или возложил) на себя миссию присоединения Камчатки к землям российского владения. И когда он начал свой поход на Камчатку, руководствуясь наказом якутского воеводы Гагарина, очередной анадырский приказчик, сын боярский Григорий Постников, послал «за ним, Володимиром, в погоню, чтоб он, Володимир, в таком дальнем расстоянии и своей дуростью не потерял служилых людей и иноземцев» [Цит. по: 7, с. 85]. Конечно, причина на самом деле была иной: Постников должен был любой ценой остановить Атласова.

Вы не находите странным такое поведение анадырского приказчика? Ведь Луку Старицына с Иваном Голыгиным прежде в здешние края было посылать не страшно, и никто их назад не возвращал из дальних походов, наоборот. И никто из этих дальних походов не привёз первые, столь подробные и бесценные по своей сути, сообщения о земле Камчатке, которые изложены во второй из известных «скасок» Владимира Атласова (опубликованы Н. Н. Оглоблиным в третьей (сто пятьдесят восьмой) книге «Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете в 1891 г.).

Поход Атласова не был (по сибирским меркам) каким-то особенным, чтобы его выделять, как это делают некоторые наши современники, в категорию «разбойных».

Чтобы действовать малыми силами на «незнакомой» земле в окружении «инородцев» — населения, которое враждебно относится ко всем чужим (даже с ближних соседних рек, почему каждое их поселение на полуостровной Камчатке представляло из себя небольшой острожек — укрепление), нужно было действовать стремительно, напористо, смело, подавляя своей силой и внушая страх. Таков был один из принципов любого, в том числе и сибирского, завоевания, который позволил казакам в кратчайшие сроки, пройдя Урал, дойти до берегов Тихого океана.

Давайте посмотрим, что творилось в это же самое время в так называемых культурных европах, чтобы сравнить «разбойный» характер сибирского покорения с европейскими войнами, в том числе и с гражданскими, которые велись во имя сохранения каких-то европейских ценностей. Откроем Интернет.

«Английская “королева-девственница” Елизавета I отрубила голову не только Марии Стюарт, она казнила ещё 89 тысяч своих подданных» [1].

«Жестокость порождалась постоянными опустошительными войнами западноевропейских держав уже после Средних веков (которые были ещё безжалостнее). Тридцатилетняя

война в XVII веке унесла половину населения Германии и то ли 60, то ли 80 процентов — историки спорят — населения её южной части. Папа Римский даже временно разрешил многожёнство, дабы восстановить народное поголовье. Усмирение Кромвелем Ирландии стоило ей 5/6 населения. От этого удара Ирландия не оправилась уже никогда» [1].

«Крестоносцы в ходе альбигойских войн вырезали больше половины населения Южной Франции. Усмиритель Пруссии, великий магистр ордена крестоносцев Конрад Валленрод, разгневавшись на курляндского епископа, приказал отрубить правые руки всем крестьянам его епископства. И это было исполнено! 16 февраля 1568 года (время разгара опричнины Ивана Грозного) святая инквизиция осудила на смерть всех (!) жителей Нидерландов как еретиков, а испанский король Филипп II приказал привести этот приговор в исполнение. Это не вполне удалось, но королевская армия сделала, что смогла. Только в Харлеме было убито 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах — 100 тысяч» [8].

Таблица. Число убитых и раненых в войнах Европы в отдельных странах за 17-е столетие, по Питириму Сорокину [2].

Страна	Человеческие потери (в тыс. чел.)
Франция	658
Австрия	1 560
Великобритания	160
Россия	119
Германия	—
Испания	559
Голландия	290
Италия	17
Польша + Литва	348
Итого	3 711

«Население Европы на середину 17-го столетия, по Сорокину, составляло 55 млн человек. Количество убитых и раненых на 1 000 жителей — 45,4 человека» [2].

И вот действия Атласова на Камчатке, которые касались уже не только первого, но и второго принципа сибирского покорения — использование «местного ресурса» — межплеменной и межродовой вражды, которая в отдельных случаях, мало освещённых в исторической литературе, приводила к полному уничтожению родов и племён, в том числе и на доатласовской Камчатке, о чём рассказывали Степану Крашенинникову и Георгу Стеллеру сами камчадалы (см.: С. П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки», Г. Стеллер, «Описание земли Камчатки»).

И что получается? Коряки мстили (и отчасти справедливо) Атласову за то, что Атласов собрал с них второй ясак, и компенсировали свою месть тем, что захватывали оленьё стадо (возможно, ранее им и принадлежащее), а казаки,

естественно (это их единственное пропитание в период долгой камчатской зимы), вступали с ними в бой.

На реке Камчатке казаки действовали в союзе с верхнекамчатскими камчадалами, при этом Атласов весьма преувеличил вражьи силы и, соответственно, свои победы.

С курильцами, дав им первый бой, в последующие бои даже вступать не стали — «никакого живота (имущества. — С. В.) нет и в ясак взять нечего» [Цит, по: 6].

Так с чего это вдруг современные отечественные «историки» так ополчились на сибирское казачество и на Владимира Атласова, в частности, приписывая им зверства, прежде «неизвестные» человечеству?!

А выясняется, что сами сибирские казаки и, в частности, тот же Владимир Атласов старательно приписывали себе и своим людям такое количество жертв в боях с «инородцами», какое могло быть «по достоинству» (то есть в рублях!) оценено в московских приказах, потому что за каждого убитого в бою «инородца», а также за убитую боевую лошадь (про оленей не знаю) сибирским казакам полагалась доплата к жалованью — те самые «боевые», которые платят солдатам всех армий мира и по сегодняшний день. Отсюда и «жар» атласовской фантазии: «А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и по 4 и по 5 сот и больши есть» [Цит, по: 6]. Может, по четыре и даже пять земляных юрт в каком-то острожке и было, но только без этих надуманных «сотен». Самым крупным из всех населённых пунктов Камчатки был острожек Кунупочич тойона Начики Машурина, верного союзника русских казаков на протяжении всей истории. Этот острог, как известно, не подвергался нападениям, разрушениям и «зверствам» казаков. То есть на примере этого острога спекулировать историческими небылицами о том, что казаки разрушили, уничтожили и изничтожили сотни острожков (населённых пунктов) камчадалов, не получится. С. П. Крашенинников сообщал о том, что в Машуринском острожке проживало 84 «ясакоплательщика», из которых 70 были «лисичниками», а 14 — «собольниками» [4, с. 510].

А вот и описание: «От Горелого острогу в 48 верстах с половиною находится знатной камчатской острожек, по их Кунупочичь, а по-русски Машурин называемой, которому в рассуждении многолюдства нет ныне подобного по всей Камчатке. Он стоит на левой стороне Камчатки-реки при устье озера истока Пхлаухчича. Строения в нем девять земляных юрт, 83 балагана и хоромы изрядные, в которых живет тойон с своим родом» [4, с. 110]. Об этом тойоне спустя столетие путешественник Карл фон Дитмар услышит нечто, переворачивающее некоторые исторические представления: «Предком Мерлиных был Божош, знаменитый воин камчадалских легенд, обладавший такой силой, что пущенные им стрелы пробивали деревья; далее, один из

Мерлиных победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну» [3]. Этим легендарным Мерлиным и был тойон Начика Машурин, убивший Голгоча — одного из главных руководителей Харчинского бунта. Так что Атласов сделал очень верную дипломатическую ставку на самую сильную фигуру Камчатки, которая оставалась верной этому союзу даже в самые тяжёлые для Начики Машурина и его родников годы действительного казачьего разбоя, приведшие к бунту камчадалов в 1731 году, расследованием которого занималась специальная походная розыскная канцелярия под руководством майора Якутского пехотного полка Василия Фёдоровича Мерлина, крестного отца Начики Машурина.

Кстати, и Горелый острог — это не следствие похода Владимира Атласова и его товарищей. Вот какие сведения о нём и камчатских доатласовских событиях оставил нам Степан Петрович Крашенинников: «...есть знатное урочище, называемое Горелой острог, потому что там бывало прежде многолюдное камчатское поселение, которое еще до покорения Камчатки сожжено камчадалами по причине случившегося мору» [4, с. 110].

Взлёт и падение Атласова начались не с похода, который обессмертил его имя. Он так и не стал своим в Якутске. Ему и впоследствии не простили этот поход. Оценил подвиг Атласова лишь новый государственный человек — якутский воевода Дорофей Афанасьевич Траурнихт, в знак высокой награды отправивший в 1700 году Атласова с товарищами в Москву доложить об открытии и освоении новой земли Камчатки.

1690-е годы были самыми сложными для Якутского воеводства: сборы ясака резко падали в связи с тем, что на северо-востоке России свирепствовало «оспяное поветрие» да и соболя в здешних местах основательно повыбились. Поэтому открытие соболиной Камчатки было величайшим достижением для якутского воеводы.

Москва, казну которой беспощадно поглощали реформы и войны, затеянные юным царём Петром, прорубавшего зачем-то Санкт-Петербургское балтийское окно, когда давно уже стояли крепкие архангелогородские ворота «в Европу», нуждалась как в деньгах, так и во всём, что приносило России эти деньги.

Поэтому в столице Владимир Атласов был признан героем и награждён по-царски и от имени царя. Его произвели в чин казачьего головы, то есть головы над всеми якутскими казаками, второго после воеводы человека в Якутске, столицы всего северо-восточного края России. Ему было предоставлено право лично набрать в Тобольске, Томске и Енисейске сто казачьих детей из семей казаков-старожилов для своего второго похода на Камчатку и закрепления её территории за Россией, а также для создания на Камчатке

постоянных казачьих гарнизонов и возведения острогов — крепостей. Ему было предоставлено право приобрести для себя товаров на 100 рублей, а это 20 годовых окладов рядового казака. Добавим к этому возраст нашего героя — ему только перевалило за 40 лет, то есть это был самый расцвет сил, когда он стал национальным героем и въезжал в Сибирь совершенно новым человеком, перед которым раскрывались все двери. Конечно, не перед ним — перед царским указом, по которому велено было выполнять все требования Владимира Владимировича Атласова. Но он принимал всю эту показную почтительность на личный счёт и на первых порах вёл себя в соответствии со своим высоким рангом и высочайшими полномочиями: в Тобольске он действительно отобрал в свой отряд 50 казачат из самых крепких и известных казачьих семей, в том числе детей атаманов и сынов боярских, воспитанных в священных для традиционного казачества обычаях и правилах служить Вере, Царю и Отечеству...

А вот далее, углубляясь в сибирскую глушь и всё более и более погружаясь в кураж от своего величия, а, с другой стороны, сталкиваясь всё с более и более снисходительным, а то и просто презрительным к себе отношением, которое особо проявилось в Енисейске, где отряд застрял по целому ряду причин, связанных с тем, что местной администрации и местному казачеству не было дела до Атласова и его нужд, казачьего голову начал переполнять гнев.

Да, ему выделили согласно царскому указу энное количество казачьих детей для Камчатского похода. Но енисейские казаки, в отличие от тобольских, которые несли службу по всей Сибири-матушке и почитали это своим священным долгом, думали по-другому. Они давно уже обзавелись, как и томские казаки, своими хозяйствами, вели торговлю и не желали отправлять своих сыновей куда-то на погибель, а потому пошли с Атласовым на сговор: подменили своих сыновей на всякий гулящий сброд. Такие подмены практиковались в Сибири, но на короткий срок. А здесь — практически на «вечное житьё».

Почему Атласов пошёл на это? Ответ у меня один: ему за это хорошо заплатили. За каждого из казачьих детей. То есть это уже был не прежний Атласов, который ради государственных интересов готов был переступить через якутское старослужащее казачество. Нет, он был уже другим и поэтому вступил с казаками в сговор. Он стал одним из них. Кураж величия перерос в гонор величия — и уже царский указ был для него не указ. Он сам теперь уже стал сибирским царьком, для которого не писаны были законы, а вступали в силу бывшие сибирские понятия.

Именно так и объясняют историки последующее поведение казачьего головы Атласова, когда он на Нижней Тунгуске (Ангаре) разграбил купеческие дощаники: якобы

и прежде так поступали казачьи атаманы в Сибири, когда им нужно было обеспечить свой дальний поход в дальние земли. И это якобы прощалось, когда те дальние земли действительно прирастали к телу Московского царства.

В истории всякое было. Ерофею Хабарову за Амурский поход простили даже расстрел казаков, которые отказались подчиняться атаману-разбойнику и попытались поступить в соответствие со своим казачьим государственным долгом: строить остроги, собирать ясак, пахать землю... Но Хабарову впоследствии было отказано в главном — вновь посетить Амур, где он в тайных схронах прятал награбленное богатство, а это для него было хуже, чем тюрьма для Атласова. Да, за грабёж на Нижней Тунгуске Атласов попал в тюрьму. Но есть маленький нюанс, на который я хотел бы обратить внимание.

Как говорилось выше, одним из тех людей, которых обидел юный Атласов, ведя борьбу с незаконным винокурением, был Василий Артемович Петриловский, сын боярский. Его папаша Артемий (Артамон) Филиппович, ближайший сподвижник Ерофея Павловича, родной сын сестры Хабарова, был разжалован за амурские разбойные дела из «выборных» атаманов в пятидесятники и сослан вместе с Ерофеем Павловичем охранять верхнеленские пашни. Так вот, в городе Киренске, где атласовская ватажка отмечала свои «подвиги», нехстати подвернулся и сын боярский Василий Петриловский, который «послал в Якутск еще одну жалобу на Атласова, в которой утверждал, что этот казачий голова “бранился матерно” и зло ему “кричал”, что “де жена твоя будет подо мною лежать”. Петриловский также утверждал, что получил “рану ножевую” и что у него сломаны амбары: “пиво и брага и квас из бочек вынуты”» [6].

Там же оказался и Андрей Амосов, под началом которого служил когда-то Володька Атласов. И вот какая «тёплая» встреча произошла у них: «Первоначально Рождество отмечалось вполне благообразно. Но поздно вечером, когда “полчане” Атласова охмелели, они вновь попытались ворваться на склад с “вином горячим”. Произошла стычка. Атласовцы стали “ломать сени”. Тогда из дверей выскочили Андрей Амосов и Денис Федоров, которые схватили одного из “полчан” и решили его посадить “в железо”. Весть об этом дошла до остальных атласовцев, и они бросились освобождать своего товарища. Завязалась новая потасовка. В конце концов Амосов бежал в Киренский монастырь» [6].

Всё это не было случайным — Атласов мстил этим людям. Но и эти люди тоже не прощали своих обид. И Атласов напрасно полагал, что Москва за Камчатку простит ему всё. Нет, шли другие времена, и на царстве были другие люди. Следствие по делу Атласова и его товарищей вели старослужащие казаки, у которых тоже были свои счёты с

Атласовым. Хотя здесь и не нужно было особенно стараться — Атласов со всеми своими подвигами был у всех на виду.

Десять человек из атласовской сотни осудили и приговорили к тюремному заключению. Одним из них был и Владимир Владимирович. Но вот сидел ли он в тюрьме — большой вопрос.

Встречаются документы Якутской приказной избы о том, что он оформлял ясачные книги. Это могло быть и не в зимовьях и острогах, а в самом Якутске. Но, естественно, не в тюрьме.

А затем ситуация самым крутым образом изменяется: как отмечал С. П. Крашенинников, ему дали *«полную власть над служивыми и винных смотря по делу батогами и кнутом наказывать, а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему приписана (курсив мой. — С. В.)»* [4, с. 478]. То есть Москва дала Атласову шанс, но она же вынесла ему и приговор.

В первом походе Атласову было позволительно использовать свой принцип вогнуть «в страх инородцев», так как основную группу его отряда составляли люди (и служивые, и промышленные), которых он сам нанял и обеспечил всем необходимым для организации и проведения этого похода, и ему никто не смел перечить... И, кроме того, им двигало в тот момент чувство служебного долга и желание прославиться. Теперь же это был совсем другой человек — ожесточённый, подневольный, ненавидящий и ненавидимый.

Все казаки, которые оказались в его отряде на пути на Камчатку, подали жалобы на жестокость обращения с ними Атласова анадырскому приказчику Осипу Миронову сыну Липину, но тот не отреагировал, будучи столь же жестоким самодуром и считая такое поведение за правило жизни...

После трагической смерти Владимира Владимировича Атласова (его убили 1 февраля 1711 г. взбунтовавшиеся казаки) на Камчатке и Чукотке служил его сын Иван Владимирович Атласов, казачий пятидесятник, в 1716 году верстаный в чин сына боярского.

Кто-то из двоих — Иван Владимирович или уже его сын Иван Иванович, произведённый в 1743 году анадырским приказчиком Дмитрием Павлуцким в казачий чин сотника, то есть обер-офицера, стал крёстным тойона (вождя) камчадала Купхи, оставив ему свою фамилию.

Биография внука Ивана Ивановича, Семёна Никитича Атласова, такова. 1 апреля 1797 года поступил в Якутске в боярскую команду унтер-офицером и был направлен

на Камчатку. 1 мая 1799 года — вахтёрский помощник в провиантском штате. В 1812 году разжалован в рядовые и зачислен в Камчатский гарнизонный батальон: «[Семён Атласов в] 1812 г. по суду и конфирмации Генерал-Аудитора и согласно мнения исправлявшего должность Генерал-Провиантмейстера Генерал-Адъютанта Меллера Закомельского, будучи в штате провиантском служителем, за учиненные буйственные поступки прогнан шпицрутенами через 1 000 человек 3 раза с выключкою из штата провиантского в Камчатский гарнизонный батальон рядовым» [9].

В 1813 году он — «военнопосельщик» в селе Нижнекамчатском. В 1816 году зачислен матросом в Камчатскую экипажную роту. В 1819-м зачислен в вахтёры. В этой должности он в последний раз упоминается в 1845 году в возрасте 69 лет.

Семён Никитич Атласов был дважды женат, имел четырёх дочерей и четырёх сыновей.

Атласов Василий Семёнович (род. в 1830 г.) зачислен в матросы Камчатской экипажной роты в 1845 году, затем служил в должности флотского писаря. В списках 47-го флотского экипажа за 1855 год не числится, вероятно, к этому времени был уже в отставке, возможно, проживал в селении Николаевка и в обороне Петропавловского порта (1854 г.) участия не принимал.

Атласов Андрей Семёнович (род. в 1832 г.) — о нём нам ничего не известно.

Атласов Иван Семёнович (род. в 1836 г.) — матрос 1-й статьи 47-го флотского экипажа, участник обороны Петропавловского порта 1854 года и морского сражения в заливе Де-Кастри, выбыл в Николаевский пост на Амуре в 1855 году.

Атласов Степан Семёнович (род. в 1844 г.) — кантонист, в десятилетнем возрасте был непосредственным участником обороны Петропавловского порта, награждён бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 годов на Георгиевской ленте. Окончил Николаевское-на-Амуре штурманское училище (учился вместе с будущим адмиралом С. О. Макаровым), выпущен из училища в должности кондуктора корпуса флотских штурманов.

С 1862 года, находясь в экспедиции подполковника корпуса флотских штурманов В. М. Бабкина, Степан Атласов плавал на клипере «Разбойник» (под командованием лейтенанта В. И. Попова) и корвете «Калевала» (под командованием капитан-лейтенанта Ф. Н. Желтухина) в заливе Петра Великого, занимаясь описью и промером со шлюпок. В 1865 году служил штурманским кондуктором на пароходо-корвете «Америка» (под командованием капитана 2 ранга А. А. Болтина). В 1867–1868 годах непосредственно Атласовым произведены опись и промер банки к северу от полуострова Песчаный, зимний промер северной части

Амурского залива и устья реки Раздольной. По имени Атласова названы банка и мыс в Японском море.

Потомки Ивана и Степана Семёновичей Атласовых, возможно, проживают в Николаевске-на-Амуре, Хабаровске или Владивостоке. А потомки Василия Семёновича жили на Камчатке — в сёлах Сероглазка и Николаевка. К сожалению, следы этих, камчатских, потомков Семёна Никитича Атласова затерялись. И вообще вся эта камчатская линия долгое

время была неизвестной историкам и краеведам, которые отслеживали родословную линию Владимира Атласова в Якутске, Москве, Санкт-Петербурге, пока в Государственном архиве Республики Саха (Якутия) не были найдены документы о том, что Семён Никитич является старшим сыном Никиты Ивановича Атласова, праправнуком «камчатского Ермака». И только тогда начались новые поиски. Так что мы ещё надеемся на успех...

Список использованных источников

1. Alexander Marichev. Сравнительная история зверств Запада и России Alexander Marichev. — Текст : электронный // Мастер Маргашов Вячеслав. — URL: <https://margashov.com/o-tom-o-syom/sravnitel'naya-istoriya-zverstv-zapada-i-rossii.html>.
2. Военные потери в войнах XVII века // Похоронный портал : информ.-аналит. ресурс. — URL: <https://funeralportal.ru/library/1061/46198.html>.
3. Дитмар, К. фон. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Часть первая. Исторический отчет по путевым дневникам / К. фон Дитмар. — Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2009. — URL: <http://www.etomesto.ru/map/kamchatka/1853/ditmar.pdf>. — Текст : электронный.
4. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки : с прил. рапортов, донесений и других неопубликов. материалов / С. П. Крашенинников. — Москва ; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1949. — 842 с.
5. Леонтьева, Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки / Г. А. Леонтьева. — Москва : Маркетинг, 1997. — 189 с.
6. Оглоблин, Н. Н. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки / Н. Н. Оглоблин. — Текст : электронный // Города и остроги земли Сибирской. Книги и публикации. — URL: http://ostrog.ucoz.ru/publikacii_2/4_64.htm.
7. Полевой, Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2 / Б. П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский : Камчат. печат. двор, 1997. — 203 с.
8. Стеллер, Г. В. Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. — Петропавловск-Камчатский : Камчат. печат. двор, 1999. — URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/steller/titul.htm>. — Текст : электронный.
9. Формулярные списки нижних чинов Камчатской экипажной роты за 1845 год // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 406. Оп. 5. Д. 515. Л. 704.

Материал поступил в редакцию 01.12.2020.

Сведения об авторе: Вахрин Сергей Иванович, член Союза писателей России, член Союза кинематографистов России, член Камчатского краевого отделения РГО, директор просветительского центра «Страна рыбы и рыбоедов» (г. Елизово). Контактные данные: e-mail: svakhrin1954@gmail.com; тел. 8-914-999-28-65.